

Пьяные погромы 1917 г. в Пермской губернии: историко-культурологический анализ

А. В. Бушмаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-2061-4096. E-mail: bushmakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на Примере Пермской губернии дается культурологический анализ пьяных погромов 1917 г. в провинции как феномена низовой народной культуры. Показаны различия в понимании происходящего в 1917 г. образованными людьми и народными массами. Выявлена специфика восприятия пьяных погромов образованной частью российского общества в период второй русской революции и показано их отличие от погромов предшествующего периода. Реконструируются особенности восприятия революции как интеллигенцией, так и солдатскими массами; последние, по мнению автора, являются преимущественно носителями традиционных представлений о власти и обществе. Автор предполагает, что мотивы участников погромов были иррациональны, обусловлены их традиционной ментальностью. Рассматривая подробности происходивших в Пермской губернии в 1917 г. пьяных погромов, автор опровергает представления о них как о спланированной политической акции. На имеющемся материале доказывается, что для пьяных погромов ноября 1917 г. характерно отсутствие социальной группы, являющейся объектом агрессии участников погрома. Разрушительная энергия толпы выплескивалась не на каких-то конкретных врагов, а на мир в целом, прежде всего на те его области, которые ассоциировались со старым порядком. Автор предлагает интерпретировать пьяные погромы 1917 г. как стихийное массовое движение низов, аналогичное средневековым карнавалам и практикам «ограбления» мертвого правителя, описанным М. М. Бахтиным и М. А. Бойцовым. Погромы 1917 года аналогичны средневековым карнавалам: насилие и втаптывание в грязь символически показывают гибель старого и одновременно начало нового мира.

Ключевые слова: солдатские погромы, интеллигентский дискурс, низовая культура, революция 1917 года, народные бунты.

Пьяные погромы периода второй русской революции не вписывались в рамки марксистско-ленинской теории, доминировавшей в отечественной исторической науке вплоть до девяностых годов XX века. В интерпретации революционных событий, с точки зрения борьбы классов и представлявших их политических партий, для таких эксцессов не было места. О волне пьяных погромов, прокатившейся по России в октябре-ноябре 1917 года упоминали вскользь, либо как о случайном явлении, либо как о провокации со стороны контрреволюционных сил, не заслуживающих серьезного анализа.

Историки постсоветского периода обратили на пьяные погромы 1917 года свое внимание; данная тема вошла в круг интересов отечественной науки, наряду с другими «темными сторонами» революции и революционного движения, такими как террор, экспроприации, провокации, анархия, психологическая ущербность членов революционных партий и т. д. В последние десятилетия опубликован ряд работ, посвященных погромам в столицах и в провинции, большинство из которых представляет собой скорее попытку реконструкции и описания происходивших событий, чем их концептуального анализа [2; 5; 6; 7; 11].

Так, П. П. Марченя, рассматривая пьяные погромы начала мая 1917 года в Самарской губернии, не обнаружил документальных доказательств того, кем они были организованы, и того, были ли они вообще кем-то организованы. Задавшись вопросом, какая политическая сила смогла воспользоваться их «плодами», исследователь приходит к выводу о полезности погромов для большевиков, которые «сумели мобилизовать в своих интересах обе крайности массового сознания: и стремление к анархии, и желание твердой власти». Рассуждения о заинтересованности в погромах именно партии большевиков он подкрепляет цитатами из воспоминаний самарских ветеранов революции, замечая, что действие по схеме «погром – организация Красной гвардии – подготовка к перевороту» стало шаблонным приемом большевиков, примененным не только в Самарской губернии. П. П. Марченя утверждает, что пьяные

погромы обнажали бессилие власти временного правительства и разваливали ее, они давали большевикам возможность вооружаться под предлогом наведения порядка, а подавление погромов стало безопасной репетицией будущих вооруженных действий, приучало население к организованному насилию, придавало видимость легитимности антиправительственным акциям, подготавливало сознание масс к будущему перевороту [9; 10].

К схожим выводам по поводу пьяного погрома в ноябре 1917 года в Екатеринбурге приходит А. М. Кручинин. Он связывает создание в городе 3 ноября коалиционного ревкома с начавшимся в ночь с 4 на 5 ноября выпуском запасов спирта из казенных винных складов, приведшим к массовому пьянству и погрому. По мнению исследователя, «вряд ли это было простое совпадение, скорее всего, это были осознанные действия большевиков, о чем говорит создание 7 ноября из частей екатеринбургского гарнизона Особого отряда». Затем он фактически повторяет рассуждения П. П. Марчени о том, что «выгоду от погромов получили большевики, завоевав политический капитал и одновременно приучая население к насилиям и готовя его к будущему перевороту и гражданской смуте» [8, с. 109–110].

Таким образом, современные исследователи, рассуждающие по принципу «*cui prodest?*» при анализе пьяных погромов 1917 года, в целом остаются на позиции демократической интеллигенции – современников революционных событий, осознанно или неосознанно принимая их логику.

Рациональное объяснение погромов, в первую очередь – еврейских, а затем и всех других, авторами начала XX века представляло их как осознанную и спланированную акцию устрашения, когда слепая ярость погромщиков служит средством достижения цели какой-либо политической группе. Принималась установка, что «темную» массу громил направляют истинные организаторы погрома, использующие его как инструмент для достижения своих политических целей. В начале XX века в интеллигентском дискурсе закрепился образ человека власти – из числа ее наиболее реакционной и зловещей составляющей – тех, кто ради карьеры готов на любые подлости. Фигура скрытого «кукловода», натравливающего люмпенизированных представителей городских низов на хладнокровно намеченную в жертву категорию населения: евреев или интеллигентов к 1917 году уже прочно закрепилась в сознании образованного слоя. Идея, что за действиями невежественных участников погромов следует искать его истинных организаторов, цинично манипулирующих темными массами в своих политических целях, была усвоена читающими современниками. Если легально выходящая пресса обычно только намекала на существование истинных организаторов погромов, то бесцензурные издания говорили о них прямо. Так представление о погроме как инструменте политической борьбы, цинично используемом властью, к 1917 г. успело укорениться среди интеллигенции.

Однако «рациональная» интерпретация пьяных погромов 1917 года приводит к тому, что исследователь перестает различать важные стороны изучаемого феномена. Он некорректно смешивает разные реальности прошлого: погромы как часть жизненного мира образованного человека, в погромах лично не участвовавшего, и погромы как массовое движение, спонтанно возникающее, развивающееся по собственной логике и угасающее в соответствии с ней же. Для наблюдателей участники погромов (солдаты запасных полков и часть городских жителей) были людьми чуждыми, мотивы действий которых непонятны, поскольку анализ таковых заменяется простым навешиванием ярлыка вроде «темные массы», «примитивно-плебейское понимание свободы» и др.

Погромы, как феномен социальной реальности интеллигента в 1917 году, представляли из себя сложный конструкт, сформированный печатью, начиная с конца XIX века. Описанию и анализу погромов начала XX века, как еврейских, так и направленных против демократической интеллигенции, посвящено немало работ отечественных исследователей. Отметим, что основными участниками погромов, описываемых в печати, до 1917 года были представители городских низов. Солдаты, а вернее мобилизованные на военную службу запасники, впервые становятся участниками погромов в 1914 году. С февраля 1917 года солдаты запасных полков все чаще становятся объектом печатной критики как политически несознательные, проявляющие социальный эгоизм, недисциплинированные, а то и просто аморальные и преступные элементы общества. Наряду с образом сознательного солдата-защитника революции появляется и образ «развращенного большевиками» солдата-погромщика, пьяного и страшного типа, потерявшего все человеческие черты.

Важным моментом стало освещение в прессе пугающих подробностей Калушского погрома, перепечатанных газетами по всей России, в том числе и пермскими. Выходившая в

Перми кадетская «Народная свобода» 10 августа 1917 г. под заголовком «Ужасы Калуша» перепечатала без указания авторства материал харьковской газеты «Русская жизнь», в котором давалось подробное описание Калушского погрома, сделанное якобы от лица очевидца:

«Ударные батальоны с офицерскими цепями впереди захватили Калуш. Надо было укрепить город, и двинуты были два пехотных полка. Неприятель умышленно оставил громадные запасы вина. Бригада, не слушаясь офицеров, бросилась пьянствовать, грабить. Выкачивались бочки вина, разбивались. Солдаты кидались на землю, жадно насасывались текущим по улицам спиртом. Офицеров закалывали штыками. Прапорщики-большевики пьянствовали вместе с солдатами, поощряя их к бесчинству. Немцы обстреливали Калуш снарядами. Грохот бомбардировки в буквальном смысле заглушался криком женщин, которых солдаты насиловали, отрубая им кисти рук и груди. Не было пощады ни старухам, ни восьмилетним девочкам...» [13; 10 авг. с. 2].

Описание гротескно ужасных зверств по отношению к евреям, полякам и русинам дополняется историей о безуспешной попытке сохранивших дисциплину двух сотен всадников кавказской дивизии прекратить погром. Статья заканчивается рассказом о последующем повторном захвате Калуша немецкой армией, с которой прибыли десятки фотографов, запечатлевших жертвы погрома. Снимки же якобы были опубликованы в газетах и журналах с подписями вроде «Вот какую свободу несет русская революционная армия!» [13; 10 авг. с. 2].

В этом тексте мы видим, как в прежней схеме описания погрома, принятой еще в довоенный период, основными элементами которой были 1) «темная» масса погромщиков, 2) невинные жертвы и 3) коварные «кукловоды», натравившие первых на вторых, появились важные изменения. Организаторами погрома становятся внешние враги, желающие погубить русскую революцию, – немцы. Им помогают враги внутренние – большевики, видимо, желающие того же самого. Темной массой являются уже не городские низы, а солдаты, забывшие воинский долг и превратившиеся в грабителей и мародеров. Алкоголь выступает в качестве инструмента, пробуждающего низменные инстинкты и превращающего солдат в бандитов. Текст несет отпечаток пропагандистских клише военного времени, живописующих зверства врага, но в то же время отражает опыт знакомства интеллигентов с солдатами новой русской армии, к концу лета 1917 г. почти утратившими дисциплину.

Как же воспринимались пьяные погромы 1917 года их непосредственными участниками – солдатами запасных полков, обычно игравшими в них основную роль? Чтобы понять смысл и мотивы действий, совершаемых погромщиками, необходимо реконструировать их жизненный мир, представить, как выглядели происходящие события с точки зрения малограмотных, а иногда и совсем неграмотных солдат, набравшихся прежде всего из крестьян. Культуру значительной части этих людей можно охарактеризовать как традиционную, с элементами архаичной. Они в той или иной степени уже были затронуты процессом модернизации, однако для большинства опыт приобщения к культуре модерна был довольно поверхностным и вряд ли смог всерьез затронуть основы картины мира – еще традиционной, почти средневековой.

Власть в рамках такой ментальности не является результатом общественного договора; не предполагается самодостаточное общество, народ, наделяющий полномочиями отдельных лиц и целые институты, осуществляющие власть в интересах большинства, с целью максимизации «всеобщего блага». Власть в традиционном сознании – внешняя, давящая и принуждающая сила, чье происхождение обусловлено не волей людей, а высшим, божественным промыслом. Истинная власть угнетает, карает и требует постоянных жертв в свою пользу. Доля подданных – терпеть и подчиняться, надеяться и молить о снисхождении.

Восприятие власти Временного правительства и его органов в первые месяцы после революции большинством населения, в том числе и солдатскими массами подчинялось культурной инерции. Для солдатских масс изменилось не так много – на смену старому началству пришло другое – из интеллигентов. Однако уже в самом начале революции мы видим и проявления традиционного взгляда на ситуацию как на смуту, междуцарствие, отсутствие «хозяина» в государстве. Легитимность революционного временного правительства и его органов для носителя традиционного сознания изначально представлялась сомнительной. Несмотря на всю свою демократичность, Временное правительство все же следовало главному принципу власти в традиционном ее понимании – требовало жертв, что для крестьян выражалось в сдаче продовольствия по заниженным «твердым» ценам, а для солдат – необходимости готовиться к отправке на фронт – с перспективой умереть за «свободную Россию».

Падение Временного правительства и приход к власти в Петрограде большевиков вовсе не означали автоматического установления власти этой партии на территории всей страны. Более того, многим, если не большинству образованных современников в тот момент казалось, что их победа случайна и носит временный характер. Даже часть лидеров большевиков в Петрограде сомневалась в способности партии удержать власть. «С властью у нас ничего не выходит», – писал А. В. Луначарский в одном из частных писем 29 октября. И в начале ноября положение представляется ему «страшно опасным» и неустойчивым, он всерьез боялся очутиться в тюрьме [1, с. 291–302].

Свержение правительства Керенского, потерявшего к середине октября остатки своей популярности, рассматривалось не как «приход к власти» большевиков, а скорее, как досадный эксцесс, могущий отрицательно повлиять на проведение выборов в Учредительное собрание. Именно с ним и связывало в октябре-ноябре 1917 года свои планы и ожидания большинство политических сил, в том числе и действующих в Пермской губернии.

Малограмотными (а чаще просто неграмотными) массами падение Временного правительства было воспринято как устранение власти вообще, власти как таковой. Демагогическая риторика большевиков осени 1917 года обещала населению все и сразу. Такая позиция не имела ничего общего с традиционным понятием о власти как высшей силе, требующей от подданных тех или иных жертв.

Ситуация последних чисел октября-ноября 1917 года воспринималась большинством пермяков как безвластие, катившееся к полной анархии. В то время как социалисты ругались между собой, кадеты, по замечанию одного из наблюдателей, «со злорадством» наблюдали за конфликтом между революционными партиями. Попытки продовольственной управы наладить снабжение продуктами в условиях транспортного кризиса и нежелания крестьян давать продовольствие имели лишь частичный успех. Вставала угроза голода. Еще существовавшая, но малоэффективная милиция была не в состоянии защитить горожан от грабежей, воровства и хулиганства. Выходить на улицу вечером было просто опасно.

Ноябрьский погром 1917 года в Перми начался в ночь на субботу 4 ноября, когда толпа солдат, якобы «подстрекаемая неизвестным человеком», пошла на склад Товарищества Поклевского-Козелл, где нашла пиво. Не встретив сопротивления со стороны охраны, солдаты выпили пиво и отправились громить магазины на Сибирской улице. В магазине Малюшкина в погребе нашли вино и спирт. Посланные усмирять пьяных патрули присоединились к веселью: «При виде спирта и водки даже более благоразумные солдаты не утерпели и стали пробовать. В конце концов, патрули и погромщики смешались в одну толпу пьяных людей» [12; 8 ноябр., с. 2–3].

Большинство крупных магазинов в центре города было вскрыто и разграблено уже в первую ночь погрома. К солдатам присоединилась часть охочих до чужого добра и выпивки горожан, среди которых было много женщин. Другая толпа направилась прямо на Торговую и Красноуфимскую улицы. На Торговой улице остались неразбитыми только дома, где не было торговых помещений и были железные шторы. Милиция, имевшаяся в распоряжении городской управы, оказалась неспособной прекратить погром: «несколько человек... с саблями и револьверами бегали и кричали охрипшими голосами: “Прочь, мерзавцы! Оставьте все!” Временами они стреляли в воздух». Толпа вяло реагировала на эти угрозы, переходя от того места, от которого ее пытались отогнать к другим магазинам.

Попытка остановить вакханалию, выпустив весь имевшийся на складе Поклевского-Козелл запас спирта в канализацию, оказалась неудачной. Солдаты разобрали часть труб, и по ним спирт стал выливаться на улицу. По сохранившимся описаниям, «пьяная толпа, увидав это, бросилась к спирту и пила его вместе с грязью и навозом». Очевидцы наблюдали многочисленные сцены вандализма, поразившие их воображение. При разгроме модных галантерейных магазинов толпа выбрасывала очень дорогие шляпы, кружева, веера прямо на дорогу и втоптывала их в грязь. Били стекла и витрины – не только с целью проникновения в магазины – но и просто так, наслаждаясь самим процессом разрушения. Некоторые солдаты стреляли в воздух – не столько, чтобы напугать обывателей, а скорее, стремясь выразить охватившую их эйфорию от чувства вседозволенности и раскрепощенности. Газеты отмечали веселое, приподнятое настроение погромщиков: «на лицах сияла радость» [13; 8 ноябр., с. 2].

В воскресенье был разграблен пивной завод Ижевского товарищества и снова началась попойка. Солдаты и присоединившиеся к ним обыватели носили пиво по домам чем только могли: ведрами, бочками, чайниками, бутылками и даже сапогами. По Сибирской улице нель-

зя было пройти по тротуару: он был завален выброшенным товаром. В понедельник погром практически закончился. Материальные потери были велики, однако человеческих жертв почти не было: погибло лишь несколько человек, пытавшихся остановить погромщиков. Один владелец магазина умер от разрыва сердца, не выдержав зрелища его разграбления.

Обыватели были напуганы, бессилие милиционеров перед толпой не осталось незамеченным. Ожидали массовых насилий с поджогами и другими зверствами. Но этого не произошло. Примечательна реакция на ноябрьский погром лидеров местных политических партий и «образованного общества». Вышедшие после погрома газеты по-разному комментировали его причины. Кадетская «Народная свобода» полагала, что главная причина – непрерывная в течение последних месяцев проповедь анархизма, классовой ненависти и идеи бесплатного получения всех благ со стороны революционных партий [13; 8 ноябр., с. 2].

Эсеровская «Народная воля» считала, что народ, громивший пермские магазины и лавки, невиновен: «Господи, прости им, они не ведают, что творят». Автор статьи считал, что вина за погром лежит на царизме, искажившем народную нравственность, а также на буржуазии: «Это не только был пьяный погром, и не только виновниками его является шайка организованных хищников, здесь кроется нечто более значительное. С одной стороны, глухой протест, еще недостаточно осознанный, против буржуазии, с другой – гнетущее настроение здоровых людей, оторванных войною от семьи и привычного труда, загнанных в казармы, где так мало возможности найти правильный выход накопившейся энергии <...>, среди буржуазии были тоже хищники, которые преступно скрывали спирт, а может быть, и такие, которые в удобный момент сообщили о его наличии...» Эсеры обвиняли в создании условий для погромов и большевиков, благодаря которым «сейчас в Петрограде и Москве <...> льется братская кровь и гибнут исторические ценности» [12; 8 ноябр., с. 2–3].

Пьяные погромы с участием солдат запасных полков и гарнизонов прошли не только в Перми. Одним из ранних был погром 30 октября в Кунгуре; 5–6 ноября произошел погром в Екатеринбурге, также достаточно освещенный в печати. Менее известен погром 14–15 ноября в Шадринске, когда солдатами была освобождена часть заключенных местной тюрьмы. Подробности инцидента содержит рапорт начальника Шадринской тюрьмы Пермскому губернскому тюремному инспектору от 25 ноября 1917 г. [15, л. 2–3].

Солдаты 139-го пехотного полка разграбили винный склад, часть спиртного была ими выпита, а часть унесена с собой. В 9 часов утра пьяные солдаты с водкой и спиртом пришли к воротам тюрьмы и «с угрозой» потребовали впустить их внутрь. Часть солдат стала через забор бросать водку во двор тюрьмы «в полубутылочной и бутылочной посуде». Нескольким удалось забраться на крышу кухни и пекарни хозяйственного корпуса и спустить водку во двор и в мелкой посуде, и даже четвертями. Пока тюремный персонал преодолевал растерянность, большая часть заключенных, бывших на прогулке во дворе тюрьмы, успела напиться.

Начальник тюрьмы не смог уговорить солдат прекратить безобразие, «так как солдаты были пьяны и уговоры и требования не производили на них нужного действия». Угрозы вызвали бурную реакцию у заключенных, начавших ругать начальника за то, что он направляет револьвер «на свободных граждан». Начальник пробовал вызвать по телефону на помощь местную милицию, но той на месте не оказалось. В канцелярии 139-го полка сообщили, что «послать некого, так как все солдаты пьяны и надежных не имеется». К тому времени, когда порядок в тюрьме при помощи сформированной местным военным комитетом вольной дружины был наконец восстановлен, полсотни арестантов успело уйти. В числе напившихся допьяна участников инцидента в Шадринской тюрьме оказались двое надзирателей. Один «был настолько пьян, что лежал на хозяйственном дворе», без служебного револьвера, который у него был взят одним из заключенных, без возражений вернул револьвер по требованию начальника тюрьмы [15, л. 2–3].

Как видим, события и здесь носят вполне мирный, даже идиллический характер. Это не бунт, а праздник. Агрессию заключенных вызвало только «неадекватное» поведение начальника тюрьмы, нарушившего атмосферу всеобщего веселья и угрожавшего оружием «свободным гражданам».

Для пьяных погромов ноября 1917 года характерно отсутствие социальной группы, являющейся объектом агрессии. Разрушительная энергия толпы выплескивалась не на конкретных врагов, а на мир в целом, прежде всего на те его области, которые ассоциировались со старым порядком. Характерен пример из воспоминаний о погроме в г. Ирбите, когда хозяйка магазина предлагала солдатам ключи, чтобы они не ломали засовы. Однако погромщики

не взяли ключи, предпочтя разломать двери, – настолько важна была для них потребность разрушать. Как и в Перми, солдаты действовали иррациональным образом – не стремились присвоить те богатства, которые стали их добычей. Наоборот, ценные и дорогие вещи подвергались осмеянию и принижались – их бросали в грязь, топтали ногами, смешивали с нечистотами [14, с. 77–80].

Среди концепций, используемых для объяснения традиционной народной праздничной культуры, феноменом, которой на наш взгляд являются пьяные погромы октября – начала ноября 1917 г., одной из наиболее известных является карнавальная, созданная М. М. Бахтиным на материалах Западной Европы. Празднично-карнавальные модели поведения, когда на короткое время люди перестают стесняться себя установленными правилами, выворачивают их наизнанку, побуждая себя и других делать то, что в будни запрещено: смеяться над святынями, пить и безобразничать, следует считать характерными и для русской традиционной культуры. Несмотря на модернизацию российского общества, для его значительной части традиционные представления сохранились и в начале XX века. В ноябре 1917 года ход событий определил то самое ощущение переломного времени, кризисного момента, смерти и возрождения общества и человека, о котором писал М. М. Бахтин применительно к народной культуре Средневековья и начала Нового времени. Это чувство определило карнавальную праздничность пьяных погромов – как «форму второй жизни народа, вступавшего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [3, с. 14].

Для средневекового карнавала характерны гротескные сочетания несочетаемого: пищи и нечистот, восхваления и унижения, рождения и смерти. Карнавальные насилия, как и карнавальный пир, по М. М. Бахтину, амбивалентны, насилие, втоптывание в грязь символически показывают гибель старого и одновременно начало нового. Насилие носит характер веселья, бьют и ругают представителей старого, но рождающего мира [3, с. 226–229].

Традиция разграбления имущества государя (папы), погромов и массового нарушения общественного порядка после его смерти описана М. А. Бойцовым применительно к средневековой Европе. Несмотря на то что на протяжении Средневековья практики «ограбления» мертвого правителя менялись и эволюционировали, их смысл заключался в том, что смерть правителя и ситуация временного безвластия позволяли черни безнаказанно и радостно буйствовать и расхищать имущество покойного. В традиционном сознании государство – владение одного хозяина, государя, который владеет им по праву Божьей милости. Его личная власть определяет и всеобщий социальный порядок, выходящий за пределы компетенций отдельных семей и общин. Исчезновение государя приводит к временной приостановке ряда норм, а также к тому, что государева собственность становится «ничьей», доступной каждому. По М. А. Бойцову, аналогичные средневековым практики возможны и в другой политической культуре, «разумеется, приняв несколько иной облик, чем в Средневековье» [2, с. 249–322].

Пьяные погромы 1917 года как феномен низовой народной культуры были амбивалентны: праздничное веселье с улыбками и стрельбой в воздух сочетались в них с разрушением и уничтожением, «пир на весь мир» распространялся на всех, били тех, кто мешал гулянию, но били и поили одновременно. Запасы алкоголя, бывшие «казенными», ограниченными и защищенными государственными интересами, стали доступны всем желающим с точки зрения людей, для которых государство тождественно государю, им правящему, дающему легитимность всему государственному порядку и нормам общественной жизни. Погромы ноября 1917 были праздничным гулянием людей, понявших, что пусть на время, но начальства над ними больше нет, что обязательные для всех законы и нормы поведения на время можно забыть, отдавшись стихии подлинного народного праздника.

Список литературы

1. А. В. Луначарский – А. А. Луначарской // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М. : АИРО-XXI, 2007. С. 291–302.
2. Бакулин В. И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // Лиственная история страны: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 45–58.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : РОССПЭН, 2009. 550 с.
5. Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995.

6. Канищев В., Протасов Л. Допьем романовские остатки! Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8. С. 62–65.
7. Карандашев Г. В. Алкоголь и революция: из истории питейной проблемы в Ярославской губернии в 1917 г. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конф. «Чтения Ушинского». 2017. С. 63–68.
8. Кручинин А. М. Пьяный погром в Екатеринбурге 5–6 ноября 1917 г. // Историко-педагогические чтения. 2017. № 21-2. С. 106–110.
9. Марченя П. П. «Зеленый змей» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от февраля к октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–42.
10. Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84–95.
11. Мусавев В. И. Пьяные погромы в Петрограде в конце 1917 – начале 1918 гг. // Клио. 2011. № 8 (59). С. 111–115.
12. Народная воля. Пермь. 1917 г.
13. Народная свобода. Пермь. 1917 г.
14. Пожары шли около недели: воспоминания А. А. Федоровского // Россия 1917 года в эго-документах: воспоминания / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
15. Рапорт начальника Шадринской тюрьмы Пермскому губернскому тюремному инспектору от 25.11.1917 / ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 284. Л. 2–3.

Drunken pogroms of 1917 in the Perm province: historical and cultural analysis

A. V. Bushmakov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2061-4096. E-mail: bushmakov@yandex.ru

Abstract. The article uses the example of the Perm province to provide a cultural analysis of the drunken pogroms of 1917 in the province as a phenomenon of grassroots folk culture. The differences in the understanding of what was happening in 1917 between educated people and the masses are shown. The author reveals the specifics of the perception of drunken pogroms by the educated part of Russian society during the second Russian revolution and shows their difference from the pogroms of the previous period. The author reconstructs the features of perception of the revolution by both the intelligentsia and the soldiers' masses; the latter, according to the author, are mainly carriers of traditional ideas about power and society. The author suggests that the motives of the participants in the pogroms were irrational, due to their traditional mentality. Considering the details of the drunken pogroms that took place in the Perm province in 1917, the author refutes the idea of them as a planned political action. Based on the available material, it is proved that the drunken pogroms of November 1917 are characterized by the absence of a social group that is the object of aggression of the participants of the pogrom. The destructive energy of the crowd was not directed at any particular enemy, but at the world as a whole, especially at those areas of it that were associated with the old order. The author proposes to interpret the drunken pogroms of 1917 as a spontaneous mass movement of the lower classes, similar to the medieval carnivals and practices of "robbing" the dead ruler, described by M. M. Bahtin and M. A. Boycov. The pogroms of 1917 are similar to medieval carnivals: violence and trampling in the mud symbolically show the death of the old and at the same time the beginning of a new world.

Keywords: soldiers' pogroms, intellectual discourse, grassroots culture, revolution of 1917, popular riots.

References

1. A. V. Lunacharskij – A. A. Lunacharskoj – A. V. Lunacharsky – to A. A. Lunacharskaya // *Revolucionnaya Rossiya. 1917 god v pis'mah A. Lunacharskogo i Yu. Martova* – Revolutionary Russia. 1917 in the letters of A. Lunacharsky and Yu. Martov. M. AIRO-XXI. 2007. Pp. 291–302.
2. Bakulin V. I. *Stihijno-anarhicheskiy komponent sobytij 1917 g. v Vyatskoj gubernii* [Spontaneous-anarchic component of the events of 1917 in the Vyatka province] // *Listaya istorii stranicy: Vyatskij kraj i vsya Rossiya v XX veke* – Leafing through the history of the page: the Vyatka region and all Russia in the XX century. Kirov. 2006. Pp. 45–58.
3. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. M. Hudozh. lit. 1990. 543 p.
4. Boycov M. A. *Velichie i smirenie. Oчерki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope* [Greatness and humility. Essays on political symbolism in medieval Europe]. M. ROSSPEN. 2009. 550 p.

5. Kanishchev V. V. *Russkij bunt – bessmyslennyj i besposhchadnyj: pogromnoe dvizhenie v gorodah Rossii v 1917–1918 gg.* [Russian revolt-senseless and merciless: pogrom movement in Russian cities in 1917–1918]. Tambov. 1995.

6. Kanishchev V., Protasov L. *Dop'em romanovskie ostatki! P'yanye pogromy v 1917 godu* [Let's finish the Romanov remains! Drunken pogroms in 1917] // *Rodina – Homeland*. 1997. No. 8. Pp. 62–65.

7. Karandashev G. V. *Alkogol' i revolyuciya: iz istorii pitejnoj problemy v Yaroslavskoj gubernii v 1917 g.* [Alcohol and revolution: from the history of the drinking problem in the Yaroslavl province in 1917] // *Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovaniya : materialy konf. "Chteniya Ushinskogo"* – Questions of domestic and foreign history, political science, sociology, theology, education : materials of Conf. "Ushinsky Readings". 2017. Pp. 63–68.

8. Kruchinin A. M. *P'yanyj pogrom v Ekaterinburge 5–6 noyabrya 1917 g.* [Drunken pogrom in Yekaterinburg on the 5–6 November 1917] // *Istoriko-pedagogicheskie chteniya – Historical and pedagogical readings*. 2017. No. 21-2. Pp. 106–110.

9. Marchenya P. P. *"Zelenyj zmij" na sluzhbe "Krasnoj smuty": alkogol' i p'yanye pogromy ot fevralya k oktyabryu 1917-go* ["The Green serpent" in the service of the "Red troubles": alcohol and drunken pogroms from February to October 1917] // *Istoriya v podrobnostyah – History in detail*. 2010. No. 4. Pp. 30–42.

10. Marchenya P. P. *P'yanye pogromy i bor'ba za vlast' v 1917 g.* [Drunken pogroms and the struggle for power in 1917] // *Novyj istoricheskij vestnik – New historical herald*. 2008. No. 1 (17). Pp. 84–95.

11. Musaev V. I. *P'yanye pogromy v Petrograde v konce 1917 – nachale 1918 gg.* [Drunken pogroms in Petrograd at the end of 1917 – beginning of 1918] // *Klio – Klio*. 2011. No. 8 (59). Pp. 111–115.

12. *Narodnaya volya – Narodnaya Volya*. Perm. 1917.

13. *Narodnaya volya – The people's freedom*. Perm. 1917.

14. *Pozhary shli okolo nedeli : vospominaniya A. A. Fedorovskogo – Fires went on for about a week : memories of A. A. Fedorovsky* // *Rossiya 1917 goda v ego-dokumentah : vospominaniya – Russia of 1917 in ego-documents : memoirs / author-comp.* N. V. Surzhikova, M. I. Weber et al. M. Political encyclopedia, 2015.

15. *Raport nachal'nika Shadrinskoj tyur'my Permskomu gubernskomu tyuremnomu inspektoru ot 25.11.1917 – Report of the head of the Shadrinsk prison to the Perm provincial prison inspector from 25.11.1917* / State Archive of Perm Region. F. 164. Inv. 1. File 284. Sh. 2–3.